
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XVIII

Сборник научных статей по монголоведению
посвящается 70-летию юбилею российского ученого-монголоведа,
педагога, дипломата Лидии Григорьевны Скородумовой

St. Petersburg
2017

СОДЕРЖАНИЕ

Лидия Григорьевна Скородумова — творец своей судьбы (<i>И. В. Кульганек</i>)	6
Список научных трудов, публикаций и переводов Л. Г. Скородумовой.	10
Поздравления друзей и коллег	17
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
А. И. Андреев. Материалы об экспедиционной деятельности П. К. Козлова в архиве Королевского географического общества в Лондоне.	21
Р. М. Валеев. Миссионерское востоковедение в Казани и изучение монгольских народов (XIX—начало XX в.)	30
И. В. Ерофеева. Буддийские монастыри ойратов в Семиречье (середина XVII—середина XIX в.)	35
А. В. Попов. Монгольский официальный документ XIX в. о наемных работниках на цинских казенных пашнях	49
ФИЛОЛОГИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА	
Л. С. Дампилова. Шаманские материалы в фондах Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН	62
А. В. Зорин. Связка тибетских рукописей на русской бумаге XVIII в. из Калмыкии в собрании ИВР РАН	67
И. В. Кульганек. К вопросу о монгольских паремиях	75
О. А. Сапожникова. Литературная сказка С. Буяннэмэха.	79
ИЗ АРХИВОВ ВОСТОКОВЕДОВ	
Т. И. Юсупова. «Намечается большая совместная работа с Монголией»: к истории организации Монгольской комиссии СНК СССР	82
РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
В. Ю. Жуков. Рец. на: «З. К. Касьяненко — Учитель и монголовед: Материалы Междунар. конф., посвящ. 90-летию рос. монголоведа З. К. Касьяненко. 30 сентября—1 октября, 2015 г. Санкт-Петербург» (СПб.; Улан-Батор, 2016)	90
Р. Ю. Почекаев. Рец. на: <i>Дугарова С. Ж.</i> Историография монгольского государства и права (XIII—начало XIX в.): монография. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного ун-та, 2016. 332 с.	91
Л. Г. Скородумова. Рец. на: <i>Гомбожавын Мэнд-Ооёо.</i> Шилийн Богд. Роман. Улаанбаатар, 2015. 254 с.	94
Б. Б. Манджиева. III Международная научная конференция «„Джангар“ и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования» (г. Элиста, 15—16 сентября 2016 г.)	95
ПЕРЕВОДЫ	
Б. Баярсайхан. Наследник (перевод с монг. А. Соловьевой)	98
В. Инжинаш. Палата красных слез. Роман. Глава первая (перевод со старомонг. Л. Скородумовой)	100
Информация об авторах	105

ПЕРЕВОДЫ

Бидэрийн Баярсайхан родился в 1973 г. в Архангайском аймаке. Поэтический дар реализовал в двух книгах стихов: «Гривастый ветер» («Дэлтэй салхи») и «Дождливое лето» («Аргал хатаагуй зун»), вышедших в 1993 и 1996 гг. В качестве прозаика автор заявил о себе, выпустив в 2008 г. сборник «Рыбы в пруду» («Хүн загасны цөөрөм») и в 2015 г. двухтомник «Думы небесные» («Тэнгэрийн сана») и «Синее небо» («Хөх тэнгэр»).

Предлагаемый вниманию читателя рассказ взят из материалов конкурса на лучший рассказ «Утгын чимэг».

Б. Баярсайхан

Наследник

Старый монах целыми днями сидел в тени своей старой хозяйственной юрты. Обычно он дремал, сидя на топчане и перебирая четки, набросив что-нибудь на плечи. Был разгар лета, из-под кошмы дул легкий ветер, в распахнутую дверь виднелись неясные очертания вершин грузных темно-серых гор. Старик, кажется, пребывал в раю.

Вдруг раздался звук колокола соседнего храма — старик приподнялся, замер, наклонив голову и подставив правое ухо, которое еще слышало. Он пристально осмотрел все вокруг старческими водянистыми глазами и, склонив голову набок, прислушался, не обманул ли его ослабевший слух. Колокол по-прежнему звучал вдалеке, «дзинь-дзинь». Старик, продолжая вслушиваться, постепенно успокоился.

Колокол слышался то тише, то громче. Тысячи раз на дню старик читал молитвы, перебирая четки до щербин в бусинах. Начищенные до блеска латунные бурханы¹ на солнце казались золотыми. У них, как у старика, выдалась передышка. Их лица с полуоткрытыми губами дышали миром и спокойствием. Наконец веки старика закрылись, и он задремал.

Колокол прозвучал более резко, разрушая покой нирваны. Старик встрепенулся, насколько мог, быстро поднялся и направился к хоймору². В это время внук с взъерошенными на макушке волосами, с конопушками, как на яйце маленькой степной перепелки, подбежал справа к очагу и, взвизгнув, как бы ненароком выпил чай для жертвенного подношения.

Как каждый день всходило солнце, так старик с любимым внуком перебранивались каждое утро. Изю дня в день раздавался звук колокола, внук-растрепыш бежал к хоймору справа, и пока старик ковылял слева в старых монгольских сапогах-гуталах, внук успевал выпить жертвенный чай.

— Ах, негодник! Ты что — пасынок покойника?! Тебе что — мать чая не дает? Голодный совсем, что ли?!

— Гадкий старик, все про тебя маме расскажу.

— Вот как?! Давай! Будешь ябедничать, я поджарю твой язык!

В озорных глазах мальчонки блеснули искорки.

— Дедушка, а дедушка?

— Что тебе, негодник?

— А языки ябед разве жарят?

— А как же! Ты что, не видел, как раскаленным железом опаливают баранью голову? Так что давай, жалуйся, я тебе язык так же подпалю.

— А я тогда убегу. Дедушка, ты меня поймать сможешь?

— Беги, беги. За твоим языком уж точно не уго니шься. Дождешься, негодник, будешь золиком³.

— А что такое золик?

— Так называют таких озорников, как ты.

Так и беседовали дед с внуком.

Дед всю жизнь был монахом, соблюдал обет. А когда стал седым, на земле у него только и осталось, что младшая сестра, к которой он и прибилась доживать свои последние дни. Сестра была ненамного моложе его. Она рано постарела от тяжелой работы с ранних лет и сейчас была уже дряхлой старухой. А старик-монах, начищая бурханов по несколько раз в день, читая сутры, обходя очаг, спокойно, без потрясений прожил свою жизнь и потому сейчас светился так же, как его латунные бурханы. А внук, сын дочери сестры, отрада двух стариков, проводил дни, бегая между двух юрт. Мать его, молодая женщина, племянница старика, шла мимо с ведром молока и, заметив, что старик вытирает слезы, поставила ведро:

— Дедушка! Что случилось?

— Все хорошо, деточка. Мама что делает?

— Она немного вздремнула, сейчас поднимается. Чай зайдете попить?

³ Золик (монг. *золиг*) — фигурка из теста, на которую должны пасть все несчастья, а иногда и человек, которым больной откупается от духов (Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. Т. 2. М.: Academia, 2001. С. 223).

¹ Б у р х а н — скульптурное изображение Будды.

² Х о й м о р — северная, почетная сторона юрты.

Старик, перебирая правой рукой четки, поковылял за племянницей.

Сняв с полки фарфоровую пиалу, она налила чай, наклонив большой медный чайник, и подала чашку с борцоками⁴:

— Вы что это целый день в юрте скрываетесь? Вместе с внуком не посидите, чай не попьёте. Сказала ему: «позови дедушку», он вернулся один. Ничего не сказал.

— Как порог переступит, все забывает. Пострел. Ветер в голове у моего негодника, — сказал ласково старик и почему-то весь вдруг сразу обмяк.

Племянница, прихлебывая чай, спросила:

— Дедушка, Вы почему, когда я вошла, слезы вытирали?

Старик помолчал, отхлебнул остывший чай и, откусив размоченный борчок, ответил:

— Почему?.. Да разве его шалости могут не вызывать слезы? Ох уж эти детские проказы! Я приближаюсь к тому, чтобы «переехать на северный склон»⁵. Утром мальчишка прибежал ко мне. И о чем он думал, бестия, когда сказал: «Дедушка, ты, когда умрешь, четки мне отдай!»

— Да ребенок же... — попыталась успокоить его племянница.

Молча выпив две пиалы, старик вышел на улицу. Конусообразная макушка его поблескивала на солнце. Это лето было прекрасным, как райский летний полдень. Старик ласково посмотрел на внука, каждое утро опустошавшего пиалу с его жертвенным чаем, и захотел отдать ему свои четки прямо сейчас.

Глядя на непослушные волосы внука, торчащие, как перья у птенца, старик подумал, что он ни на что не променял бы последние дни своей восьмидесятилетней жизни.

— Мой мальчик, мой растрепыш! — позвал старик, и слова его прозвучали, как хвала коню-победителю. Отяжелевшие горы вторили эхом его словам.

Старик думал о том, что внук упал к его очагу, в его руки, как подарок судьбы. И сейчас старик звал только его, своего единственного внука. Будто откуда-то издали послышались голоса отца, деда, прадеда, как звуки ганлина⁶, зовущие его.

Навстречу бежал внук — его малыш, с растрепанными волосами на макушке, веснушчатый, как яйцо перепелки, топая, как бесхвостый теленок...

Перевод с монг. А. Соловьевой

⁴ Борчок (монг. *борцог*) — вид монгольского хлеба.

⁵ Переехать на северный склон — эвфемизм, заменяющий слово «умереть».

⁶ Ганлин — духовой музыкальный инструмент, используемый при буддийских церемониях. Представляет собой трубу из человеческой берцовой кости.

Ванчинбалын Инжинаш (1837—1892) — выдающийся монгольский писатель, родоначальник романной прозы в монгольской литературе. Автор двух бытовых («Одноэтажный павильон» и «Палата красных слез») и одного исторического («Синяя сутра») романов. В этом году ему исполняется 180 лет со дня рождения. Мы начинаем печатать перевод романа «Палата красных слез», который является продолжением романа «Одноэтажный павильон» того же автора. Он был напечатан в журнале «Байкал» в 1992 г., № 3, 4 и к настоящему времени стал библиографической редкостью.

В. Инжинаш

Палата красных слез

Роман

Глава первая

*Князь Бэнь по указу императора прибывает в столицу.
Князь Цзинь возвращается по делам в родные места.*

Итак, в романе «Одноэтажный павильон» повествуется о том, как юноша Пуую из дома Преданных и Верных и его сверстницы сестры стали жертвами пагубной страсти, как радость сменилась печалью, как на них, обладавших чувствительными сердцами, обрушились страшные беды и как в конце концов не суждено было осуществиться ни одному их желанию. Сами же они рассеялись по свету, подобно облакам, даже следов не осталось — их размывло водой. А случилось так потому, что в прежней жизни, в стране богов, они, меры не зная, предавались утехам и наслаждениям. И все же обидно, когда чистейший перламутр и белая яшма тонут, разбиваясь о камни.

Мудрейшие, как грустно было вам об этом читать! Но я написал еще одну книгу, из нее вы узнаете, что с нашими героями приключилось в дальнейшем.

Сразу после кончины супруги Пуую во все концы разослал людей узнать о судьбе дорогих сестриц — Шэнжу, Циньмо и Лумэй. Но любимых словно ветер унес, спрятали облака. Печаль камнем легла Пуую на грудь — будто он вошел в опустевший дом. Нельзя было избавиться от этой тяжести. Но он мужественно перенес потерю.

И вот однажды, в теплый весенний день, Пуую в одиночестве гулял в саду Ароматов. Цвели, как и прежде, персики и абрикосы, виселись искусственные горы и павильоны. Не было только милых сестриц. Младшую, Шизин, отдали замуж. Охваченный грустью, Пуую снова и снова вспоминал стихи о белом облаке и красных листьях. И вдруг его стало клонить ко сну. Пуую вошел в зал Изумрудных волн, где было так прохладно, и, едва коснувшись головой подушки, погрузился в сон.

Если судьба благосклонна, душа исполнена счастья и радости! Когда рождается грусть, на душе становится тяжело.

Пуую уснул, и приснилось ему, будто он взобрался на высокую гору, откуда взору его открылся

безбрежный океан. Он не знал, как очутился здесь. На горе росли какие-то необыкновенные коралловые цветы и бирюзовые травы, в роще пели чудесные птицы. Но не было ни души. Пуую поднимался все выше и выше и попал в горное ущелье. Там он увидел удивительной красоты дворец, сложенный из зеленого кирпича, с крышей из желтой черепицы, окруженный с четырех сторон красной стеной. Охваченный любопытством, Пуую не раздумывая вошел внутрь. Везде чисто, ни пылинки, словно чья-то заботливая рука подмела полы. Над входом надпись: «Палата красных слез». Рядом — каменная плита, сверкающая всеми красками. Подойдя ближе, Пуую увидел высеченные на ней изображения и надписи. Вот дерево, с дерева взлетает птица. Рядом — надпись, не скажешь, что это песня, но и на стихи непохоже:

— Двое разлучены, но не спеши горевать. Опять наступит весна, встреча придет опять. Из всех далеких друзей ты кажешься ближе всех. Промчалось двенадцать лет. Все иначе теперь.

Чуть дальше — лютня, только необычная, без струн.

Стойкие сосны суровы к женщинам недаленовидным.
Волны нефрит окатили — стал перламутром подводным.
Стоило раз ошибиться мячику судеб священных —
Стали напрасны усилия железа и камня труды.

Курильница — с горсткой пепла, но без ароматической травы, под курильницей — четверостишие:

Холодною ночью поступь коня легка.
Двор постоялый. Глухое селенье. Иней.
На дереве старом кукушка считает века.
Падает меткий мячик, брошенный с башни синей.

Пуую прочел все три надписи, но ничего не понял — в них, видимо, был скрытый смысл. Поэтому

он решил больше не читать. Чего только там не было! И колокольчики, и персиковое дерево, и шапка с лентами, и пара фениксов. Пуюй подумал: «Не хватает только слонов и львов». Он обошел стену, огляделся, но кроме каменной плиты ничего не увидел. На стене тоже было несколько полустертых надписей. Пуюй пальцем нарисовал на ладони петроглифы, которые не смог разобрать, как вдруг будто гром грянул среди ясного неба — послышался голос: «Что ты, скотина, здесь делаешь?» Пуюй задрожал от страха, проснулся и увидел своего отца, князя Бэня — лицо его было блестящим и красным, как финик, борода — словно из серебряных нитей.

Оказалось, князь Бэнь тоже гулял в саду, вошел в зал Изумрудных волн и увидел спящего Пуюя. Последние два дня сын все вздыхал — его что-то мучило.

Лучше бы, думаем мы, любящим родителям не приходилось болеть душой за детей, но умолчать об их страданиях не можем.

Пуюй быстро встал и последовал за отцом в зал Безмятежности и покоя. Надобно вам сказать, что с момента кончины старой княгини прошло двадцать семь месяцев, но князь все еще носил траур. В зале князя встретила жена, княгиня Цзинь, пригласила сестру, а служанка Юйцин принесла большой пакет с печатью.

— Что там? — осведомился князь.

— Гунгао просил срочно передать вам, видимо, что-то важное, — ответила княгиня.

На пакете было написано: «Высочайшее послание дому Преданных и Верных, князю Бэню. Не терпит промедления».

Князь не стал мешкать, вскрыл пакет и велел Пуюю прочесть бумагу. Вот что там было сказано: «В настоящее время в городе Ханчжоу провинции Чжэцзян нет ни солдат, ни стражи. А место прибыльное — много рыбы и соли. Рядом, на берегу Восточного моря, на островах Чжаобао и Цзяомэнь бесчинствуют разбойники, разъезжают по морю, нагоняя на людей страх. Корейские солдаты не раз вступали с ними в бой, но терпели поражение, после чего отступили на север, высадили войска и закрыли путь разбойникам на восток. Тогда разбойники пошли на юго-восток, захватили Японию и острова Люцю. Прибрежные страны укрепили свои порты. Разбойники же, лишившись промысла, через узкий пролив снова вышли к морю, захватили и разграбили прибрежные земли. Повелеваю немедленно создать ополчение из жителей провинций Фуцзянь и Чжэцзян и общими силами одолеть разбойников. Срочно сообщите в столицу о дне вашего прибытия».

В то время как Император занят важными государственными делами, в стране царят мир и благополучие, разбойники бесчинствуют и гневят богов». В конце красной тушью было приписано:

«Военному ведомству надлежит выбрать четырех самых мудрых и опытных полководцев и поставить над войском. А также разместить в Ханчжоу две тысячи солдат. Указ передать через гонца. Пусть Корея, Япония и Люцю объединят силы и уничтожат

врага. Ни минуты нельзя терять на раздоры. Дело это не терпит отлагательства. Военачальникам всех провинций надлежит его обсудить и выбрать полководцев, которым милостью императора даровано право наследовать титул. Полководцам надлежит прибыть в столицу на императорскую аудиенцию. Быть по сему!»

Князь Бэнь слушал молча, только бороду теребил. Княгиня поднялась, поздравила мужа. А он произнес со вздохом:

— Да, сколько веков род наш пользуется государевой милостью — наследует высокие титулы, но до сих пор не представлялось случая отблагодарить государя. Теперь же необходимо приложить все усилия и исполнить свой долг. Я, правда, стар, шестьдесят минуло. А нести службу за три тысячи ли от дома куда тяжелее, чем быть князем здесь, где всего-то живет тысяча семей. Вот матушка, будь она жива, дала бы мне мудрый совет.

Князь позвал Гун Гао и Чжаньюя, чтобы обсудить с ними предстоящий отъезд, велел готовить вещи и коляски. Гун Гао приказал взять десять слуг и сопровождать его в столицу, а Чжаньюю остаться и присматривать за домом.

Пуюя князь решил взять с собой, чтобы тот познакомился с жизнью столицы. Сын не стал перечить и пошел укладывать вещи. Услышав новость, Фушоу и обрадовалась, и огорчилась. Конечно, поездка может оказаться для Пуюя счастливой, если ветер встретится с облаком, значит, ее советы не пропали даром. Вот только плохо, что княгиня Цзинь состарилась, а заменить ее некому. Все заботы по дому легли теперь на Фушоу, а где взять сил и умения? Фушоу позвала слуг, распорядилась, что взять в дорогу, что надеть. В день отъезда князь Бэнь сказал жене:

— На этот раз дел будет много, после аудиенции я должен немедленно тронуться в путь и не успею заехать за вами, поэтому пришлю слугу. А вы пока соберите вещи и на лодке плывите к югу. Буду ждать вас в местечке Вэньсян. — Князь Бэнь помолился перед алтарем и после того, как тряхнул пальнулы пушки, вместе с Пуюем сел в коляску.

Княгиня Цзинь проводила их до вторых ворот и вернулась в дом.

Едва отъехали, Пуюй вышел из коляски и сел на коня. За ним, тоже верхом, следовали десять слуг. Они тронулись в путь в четвертом месяце, когда пробуждалась природа: в горах и долинах зеленели ивы, распускались цветы, журчали ручьи, пели птицы. Проезжая по окраине Цзяньчаньин, князь Бэнь вспомнил, что неподалеку живет его дочь Дэцин, позвал Пуюя и сказал:

— Быть может, мы пробудем на юге несколько лет, так что съезди-ка сейчас к дяде, затем навести сестру, расскажи, как мы живем, а потом нас догонит. Мы будем ехать неспешно.

Пуюй и сам этого хотел, поэтому с удовольствием выполнил приказ отца и в сопровождении нескольких слуг поехал в ту сторону, где жили родные.

Не проехали они и восьмидесяти ли, как оказались возле усадьбы. Пуую надеялся что-нибудь разузнать о Циньмо и Лумэй, а если повезет, то и встретиться с ними. Поэтому он мчался сюда во весь опор с сильно бьющимся сердцем. Он не знал, радоваться ему или печалиться, ему было как-то не по себе. Стоило увидеть знакомые ворота, как защемило сердце. Ворота были плотно закрыты, кругом стояла тишина. А как шумно, оживленно и весело было здесь совсем недавно! Что же случилось? Толпа торговцев с любопытством смотрела вслед всадникам, которые направлялись к усадьбе Цзинь.

Битых полчаса слуги стучали в ворота, но так никто и не вышел. В душу Пуую закралась тревога. Они стучали, кричали, все напрасно. Наконец послышался чей-то сердитый голос. Прошло еще полчаса, открылась боковая дверь, и появился пьяный старик. Он едва волочил ноги. Пуую подстегнул коня, подъехал к старику и стал его расспрашивать. Но старик оказался бестолковым, да к тому же глухим и нес какую-то чепуху. Тогда Ма Чжу стал кричать ему прямо в ухо. В ответ старик окинул их гневным взглядом и, пробормотав: «Что за вздор! Ничего не знаю!» — захлопнул за собой дверь. Пуую и злился, и в то же время ему было смешно. Они уже потеряли всякую надежду что-либо узнать, когда вдруг из-за угла появился незнакомец и с улыбкой спросил:

— О чем вы с ним говорили? Наверняка, старик подшутил над вами, чтобы сорвать досаду, — он проигрался.

Ма Чжу махнул рукой незнакомцу, чтобы подошел ближе, и спросил у него о семье Цзинь. Торговец ответил:

— Еще два года назад господин Цзинь решил отвезти на родину, в Чжэцзян, прах матери и уехал вместе с семьей, а старика оставил сторожить дом.

Пуую, когда он это услышал, показалось, будто его окатили холодной водой, вся его радость улетучилась, и он не произнес больше ни слова. Пришпорив коней, путники направились к дому Цзинь. Ма Чжу поехал вперед, чтобы все подробно узнать.

Семья Цзиньшу жила неподалеку, надо было только переехать через речку, чтобы оказаться перед домом, где гостей уже ждали. Зять с шурином радостно приветствовали друг друга, после чего вошли во двор. Едва обогнув главный павильон, Пуую увидел свою старшую сестру Дэцин с детьми. Она бросилась навстречу брату, Пуую быстро опустился на колени, но Дэцин подняла его. Они долго смотрели друг на друга, проливая слезы. Наконец вошли в главный зал и прошли в большую комнату. Комната состояла из трех цзяней и казалась очень просторной из-за того, что были убраны разделявшие ее ширмы. У северной стены, той, где было окно и стоял кан, дверь справа вела в спальню, слева — в кабинет. На дверях висели бамбуковые занавески. На стенах — надписи в духе «Записок об отшельниках» Оуян Сюня:

«Ученые люди, великие чиновники ведут себя достойно и при падениях, и при взлетах. В удачах и

неудачах мужественны. В мирное время и на войне — решительны, в походах — дальновидны. Соблюдают законы. Могут добиться поста министра. Если случается участвовать в походах, совершают невиданные подвиги, а нет — усердствуют в любом деле по мере сил своих. Поэтому высоко их призвание и велики заслуги в будущей золотой жизни».

Надписи были так великолепно сделаны, что привели Пуую в восторг. Затем внимание его привлек небольшой столик из грушевого дерева, на котором лежали книги, пресс для бумаг, костяные закладки и лютня. Никаких драгоценных украшений не было. Пуую почему-то снова стало грустно. Вдруг его тронул за локоть Цзиньшу.

— Повернись к нам. Мы так долго ждем, даже устали.

Пуую быстро обернулся. Дэцин, стоя на коленях, благоговейно поклонилась в ту сторону, где был север. Потом стала расспрашивать Пуую о здоровье родителей. Пуую тоже поклонился и ответил, что дома все хорошо. Затем каждый занял на кане положенное место.

— Как долго я не видела родителей, — промолвила Дэцин, — сколько морщин прибавилось у них за это время, сколько седых волос. Бабушка, я слышала, скончалась. Я в то время только родила и на похороны не смогла приехать. Трудно в добродетелях сравниться с нашей покойной госпожой. Я хотя и возжигаю благовония по утрам и вечерам, но этим разве отблагодаришь ее за все добрые деяния? А как поживает сестрица Шицин? Такая же хохотушка, как и прежде? А наши служанки — Мяо, Си, Фу, Цянь, Цзинь, Юй — все еще служат у нас? Твою жену я так и не видела: знаю лишь, что она умерла. Помнят ли меня цветы, травы и деревья в саду Ароматов, скучают ли по мне?

Она говорила без умолку чистым, звонким голосом, а глаза были полны слез. Служанка Биньхуп принесла чай. Пуую отпил глоток и стал все по порядку рассказывать.

— За год до смерти бабушки отец с матерью поехали на Новый год в столицу и взяли с собой сестрицу Шицин. В это самое время сын одного янчжоуского князя решил подыскать себе невесту. Узнав о Шицин, он стал ее сватать. И отдали Шицин замуж. Мужа ее зовут Су Линъань, он умен и очень хорош собой. После свадьбы родители мужа увезли молодых на новое место службы князя, в Янчжоу. Не знаю теперь, когда снова увидимся. Бедняжка Шицин уезжала в чужие края не из родного дома, а из столицы, там нельзя было даже как следует подготовиться к свадьбе. Мяо Луань и Сюфэн после смерти старой княгини возвратились к себе домой. Из старых служанок остались только Юйцин и Фушоу. Мяпчан заболела и тоже уехала.

Дэцин очень расстроилась, подумав, что они с сестрой больше никогда не увидятся, и едва не заплакала, но Пуую постарался ее отвлечь и спросил:

— Надписи на стенах делал зять?

— Нет, твоя сестра, — с улыбкой ответил Цзиньшу, — наверняка, чтобы меня поучить. А вот парные надписи — мои.

— Сестрица, давно ты выучилась так красиво писать? — поинтересовался Пууюй.

— Когда я уезжала, ты был совсем маленьким, — ответила Дэцин. — А каллиграфией я еще дома занималась. Но с тех пор как живу здесь, хозяйство и шитье отнимают все время. В день отъезда я сделала в Цветочном павильоне надпись на стене. Ты видел?

Помолчав, Дэцин взволнованно спросила:

— А какую песню, не помнишь?

— Уже забыл. Погоди, как же там было... «Две птахи в одном гнезде» и еще: «Плачет одинокий ворушек». Что-то в этом роде. — Дэцин вздохнула:

— Время идет, появляются новые люди, а старые друзья разлетаются в разные стороны.

Пока они беседовали, служанки внесли стол, накрытый к ужину. Цзиньшу пригласил Пууюя к столу, усадил на почетное место. Муж и жена сели друг против друга. Они пили вино и вели тихий неторопливый разговор, какой бывает только между близкими людьми. Слуг тоже угощали, но мы не будем об этом рассказывать. Вдруг Пууюй заметил, что нет одной служанки, и спросил:

— А где сестрица Динсян?

Дэцин печально ответила:

— Она тяжело болела и этой весной скончалась, как барышня Цзяпин. — И все трое вздохнули.

Они поболтали еще немного. Пууюй рассказал, что вместе с отцом едет в столицу, что сюда завернул по приказу отца, который велел ему захватить проведать родственников и теперь ждет его.

— Как интересно устроен мир, — задумчиво проговорила Дэцин. — Сестрицу Шичин отдали замуж в дальние края, меня — в ближние. Но сейчас, когда вы приедете на юг, то, что раньше было для вас далеко, станет близко, а то, что близко — станет далеко.

Пууюй, пользуясь случаем, решил поинтересоваться судьбой князя Цзиня и его семьи.

— А ты разве не слышал, что несколько лет тому назад они уехали в свои прежние владения в Чжэцзян? — спросила Дэцин брата.

— Кое-что слышал. Знаю, что два года тому назад они собирались перевезти прах матери на родину. Но почему до сих пор не вернулись? И еще непонятно, зачем понадобилось ехать всем семейством? Вполне достаточно было двух человек. Я думал, княгиня уже здесь. А что, сестриц тоже увезли на юг?

— Тебе просто не повезло, — сказала Дэцин, — ведь как мы раньше, сестры, дружили. Тебе же особенно близки были Циньмо и Лумэй. Трудно найти пример столь трогательной дружбы! Но ты почему-то ими даже не поинтересовался. Впрочем, где тебе понять, как страдали сестрицы, что им пришлось пережить!

Пууюю стало не по себе, и он поспешил спросить, что случилось.

— Да что сейчас об этом рассказывать, — произнесла Дэцин, — в тот год сестрицу Циньмо чуть не отдали замуж в дом Сунов из Шаньяна. Сестрица не хотела, а ее заставляли. Больше года от Сунов слали сватов. Дядюшка Цзинь уговаривал тетюшку Гу отдать дочь насильно, даже принял от сватов подарки. От переживаний сестрица Циньмо заболела и чуть не умерла. Перед отъездом в Чжэцзян ей сказали, что как только придут на место, сразу выдадут замуж. Сколько можно было родить детей за это время, что тянулась эта история! А как несчастна сестрица Лумэй! За нее посватался богатый купец из Тина. Ему под пятьдесят. Фамилия его Чжу. Он уже уморил нескольких жен, остался бездетным и попросил одного чиновника сосватать ему невесту...

Пууюй, нахмурившись, перебил сестру:

— А что дядя Цзинь? Почему не откажет? Решил породниться с богатым купцом?

— Он не просто купец, — пояснил Цзиньшу, — а потомственный чиновник, имеет ученую степень, но оставил службу. Он владеет ста тумэнами и может скупать в заморских странах товары и вместе с другими купцами совершать всевозможные сделки.

— Все равно он не пара сестрице Лумэй! — воскликнул Пууюй.

— Не только сестрица Лумэй противилась этому браку, — продолжала Дэцин, — дядюшка тоже не хотел. Только ее мать, госпожа На на этом настаивала. Сестрице Лумэй уже двадцать, она все время болеет. А госпожа На состарилась, поэтому и хотела скорее выдать дочь замуж. Вот как это получилось.

— Что получилось? — спросил Пууюй.

— Ты только и знаешь «что, что», а сам не ешь и не пьешь, — попеняла Пууюю Дэцин.

Пууюй торопливо выпил вина, подцепил палочками кусочек мяса, отправил в рот и снова спросил: «Ну, а дальше?» Дэцин с улыбкой продолжала:

— Купец прислал столько подарков, что ни одному князю не по карману. Лошадей и верблюдов здесь не включают в калым, как у нас. Так вот, он прислал два жезла счастья из ханьского нефрита, два жемчужных браслета, статуэтку Гуаньинь из зеленой яшмы, два больших блюда, заколку для волос, украшенную драгоценными камнями, пять пар золотых часов, ожерелье из чистого золота и коралловую ветку. Не говоря уже о прочих украшениях, одежде, мехах и шелках. К свадьбе еще было прислано восемь золотых кубков и тысяча ланов серебра.

— Сестрица, откуда тебе все это известно? — удивился Пууюй.

— Я сама была на празднике подношения даров и видела собственными глазами.

— А жениха видела?

— Нет. Биньхун его видела, когда он приходил к тете На.

Пууюй быстро подозвал служанку и спросил:

— Ну, что скажешь об этом старике?

— У него лицо сморщенное, как грецкий орех. Вместо глаз будто воткнули яшму и перламутр. И смотрят они в разные стороны, при этом один — зе-

ленный, другой — голубой. Голос гнусавый, борода от самых ушей, рот кривой и вонючий. Тут не то что прекрасная, как хрусталь, барышня Лумэй, последняя служанка умрет от отвращения.

Слушая ее, все так и покатывались со смеху.

— Болтушка! — проговорила Цзиньшу, — а с чего ты взяла, что он вонючий?

— Я все как есть сказала, — нахмутив брови, упрямо твердила Биньхун. — Что там лицо. Поглядели бы вы вообще на него — старый пенёк в шелку и бархате!

Снова раздался взрыв смеха.

Пуюй спросил, что же было дальше.

— Только сестрица Лумэй услышала, что ее отдадут замуж, — продолжала Дэцин, — перестала есть и пить, целыми днями плакала. А однажды, уже незадолго до свадьбы, схватила нож и ножницы и хотела покончить с собой, хорошо, что Хуамэй и госпожа На успели ее удержать. Хуамэй, видя, как убивается барышня, пошла к тетушке Гу и попросила разорвать брачный договор. Начался скандал. Тетушка Гу избила Хуамэй. А вскоре после этого, как-то ночью, Лумэй со служанкой исчезли.

Пуюй побледнел:

— Как исчезли?

— Не знаю. Пропали и все. Ни служанки, ни няньки, ни мамки — никто ничего не заметил. Дяди

Цзиня не было дома, все переполошились, бросились на поиски, только напрасно. Беглянок и след простыл. Вернулся дядя Цзинь. Стали думать, как быть, оставалось лишь разорвать договор, но купец подал в суд, поднял шум. А дядя, хоть и порядочный человек, но не так богат, чтобы вернуть калым и заплатить неустойку. Да и кому скажешь, что сестрица Лумэй исчезла? Наконец, выход был найден — решили вместо Лумэй отдать Цюйюй, как некогда поступил ханьский император, пытавшийся подсунуть правителю гунов ненастоящую принцессу. Цюйюй девушка красивая, а тут ее принарядили, надели жемчужные и коралловые украшения, и ее вполне можно было принять за настоящую барышню. Ей еще повезло — отдали вместе с четырьмя служанками Лумэй. Говорят, они с купцом прекрасная пара. Этот Чжу на Цюйюй не надышится.

— Ну, а что же все-таки случилось с сестрицей Лумэй? — спросил Пуюй.

В это время принесли еду, и Дэцин замолчала. Пуюй снова обратился к Биньхун:

— Неужели сестрица Лумэй сбежала?

— Не сбежала она! Бросилась в колодец и утонула, — ответила служанка.

Пуюй поперхнулся, выронил чашку и палочки и, побледнев, повалился на кан.

Перевод со старомонгольского Л. Скородумовой